

Поступила: 25.12.2025. Одобрена: 27.12.2025. Доступна онлайн: 31.12.2025

МРНТИ: 10.87.79

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2025-16-4-8-23>

Новый международный экономический порядок и его место в системе глобального управления в контексте колониализма и неоколониализма

Абашидзе Аслан Хусейнович

Д.ю.н., профессор,

директор юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Российская Федерация

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0012-8795>

Дементьев Андрей Андреевич

К.ю.н.,

доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Российская Федерация

e-mail: dementyev-aa@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2846-749X>

Аннотация: В современных реалиях все острее встает вопрос о диспропорции в суверенном равенстве развитых и развивающихся государств, которая выражается в экономической зависимости последних. Вместе с процессом деколонизации в прошлом веке была создана система, получившая название новый международный экономический порядок (НМЭП), главной целью которого было создание равных условий и возможностей для государств и закрепление на универсальном уровне суверенного права развивающихся государств распоряжаться своими ресурсами и капиталами. Однако, поставленные глобальные цели были реализованы не в полной мере и, по мнению исследователей, даже открыли путь к существующему на сегодняшний день неоколониализму.

В рамках настоящий статьи авторы провели анализ формирования НМЭП как базы реформирования существующих глобальных экономических режимов, место НМЭП в системе глобального управления. Были выявлены ключевые проблемы НМЭП и мировой экономической системы, которые не позволили достичь целей абсолютного равенства государств, и которые до сих пор позволяют отдельным государствам и их объединениям «навязывать» свою волю суверенным развивающимся государствам.

Ключевые слова: НМЭП, международное экономическое право, ООН, ОПЕК, международная валютно-финансовая система, МВФ, МБРР.

Жаңа Халықаралық экономикалық тәртіп және оның отаршылдық пен неоколониализм контекстіндегі жаһандық басқару жүйесіндегі орны

Абашидзе Аслан Хусейнович

3. ғ. д., профессор,

Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің заң институтының директоры

Мәскеу, Ресей Федерациясы

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0012-8795>

Дементьев Андрей Андреевич

3. ғ. к.,

Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің Халықаралық құқық кафедрасының доценті

Мәскеу, Ресей Федерациясы

e-mail: dementyev-aa@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2846-749X>

Аңдатпа: Қазіргі шындықта дамыған және дамушы мемлекеттердің егемендік теңдігіндегі диспропорция туралы мәселе барған сайын өткір болып отыр, бұл соңғысының экономикалық тәуелділігінде көрінеді. Отарсыздандыру үдерісімен бірге өткен ғасырда Жаңа Халықаралық экономикалық тәртіп (ЭҮТШ) деп аталатын жүйе құрылды, оның басты мақсаты мемлекеттер үшін тең жағдайлар мен мүмкіндіктер жасау және дамушы мемлекеттердің өз ресурстары мен капиталдарын иеленуге егемендік құқығын әмбебап деңгейде бекіту болды. Алайда, алға қойылған жаһандық мақсаттар толық орындалмады және зерттеушілердің пікірінше, бұғынгі күнге дейін бар неоколониализмге жол ашты.

Осы баптың шенберінде авторлар қолданыстағы жаһандық экономикалық режимдерді реформалау базасы, жаһандық басқару жүйесіндегі ЭҮТШ орны ретінде ЭҮТШ-нің қалыптасуына талдау жүргізді. ЭҮТШ мен әлемдік экономикалық жүйенің мемлекеттердің абсолютті теңдігі мақсаттарына қол жеткізуге мүмкіндік бермейтін және осы уақытқа дейін жекелеген мемлекеттер мен олардың бірлестіктеріне егеменді дамушы мемлекеттерге өз еркін "тануға" мүмкіндік беретін негізгі проблемалары анықталды.

Түйін сөздер: ЭҮТШ, Халықаралық экономикалық құқық, БҮҰ, ОПЕК, халықаралық валюта-қаржы жүйесі, ХВҚ, ХҚДБ.

The New International Economic Order and its Place in the System of Global Governance in the Context of Colonialism and Neocolonialism

Abashidze Aslan Huseynovich

Doctor of Law, Professor,

Director of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Moscow, Russian Federation

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0012-8795>

Dementyev Andrey Andreevich

Candidate of Law,

Associate Professor of the Department of International Law at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russian Federation

e-mail: dementyev-aa@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2846-749X>

Abstract: In modern realities, the question of the disparity in the sovereign equality of developed and developing countries, which is expressed in the economic dependence of the latter, is becoming more acute. Together with the process of decolonization in the last century, a system was created called the new International economic order (NIEO), the main purpose of which was to create equal conditions and opportunities for States and to consolidate at a universal level the sovereign right of developing countries to manage their resources and capital. However, the global goals set were not fully realized and, according to the researchers, even opened the way to the current neo-colonialism.

In the framework of this article, the authors analyzed the formation of NIEO as a base for reforming existing global economic regimes, and the place of NIEO in the global governance system. The key problems of the NIEO and the global economic system were identified, which did not allow achieving the goals of absolute equality of states, and which still allow individual states and their associations to "impose" their will on sovereign developing states.

Keywords: NIEO, international economic law, UN, OPEC, international monetary and financial system, IMF, IBRD.

Введение

Дискуссия о неоколониализме в международном праве обычно начинается вокруг фундаментального разрыва между формальным и материальным процессом деколонизации. С одной стороны, формальная деколонизация это обретение независимости, международной правосубъектности и суверенного равенства на международной арене, которая, тем не менее, сама по себе не нейтрализует структурную экономическую зависимость, создаваемую через механизмы мировой экономики: асимметричные торговые режимы, условия инвестиционной защиты, международное кредитование и финансирование, технологические барьеры и институциональную архитектуру международных финансовых организаций (Гюнтер Франк в работе «Развитие и недоразвитие Латинской Америки» (1967), Б. С. Четверикова, «Международное

экономическое право: очерки истории и теории» (1999), и у Р. П. Болдырева, «Суверенитет и экономическое самоопределение в международном праве» (2004)). В этом смысле неоколониализм функционирует не столько как юридически точный термин, сколько как система, позволяющая описывать существующие противоречия, при которых суверенные государства оказываются в условиях ограниченного экономического выбора и вынужденной адаптации к внешним нормативным и институциональным параметрам мировой системы и отдельно взятых государств (или групп государств).

Международное право в этой логике предстаёт не просто системой общих правил, но и посредником установления экономического порядка. Оно распределяет полномочия и риски, юридически оформляет режимы собственности и доступа к рынкам, устанавливает стандарты допустимого государственного вмешательства в экономику и устанавливает определённые модели развития, интеграции и технологических переходов (M. Sornarajah, *The International Law on Foreign Investment* (2010), A. Anghie, *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law* (2005). Именно поэтому история международного права неразрывно связана с историей распределения глобальной власти и с тем, как ведущие государства и их объединения формировали условия доступа к рынкам и ресурсам, тогда как постколониальные общества долгое время оставались исключёнными из системы принятия решений.

В этом контексте Новый международный экономический порядок (НМЭП, New International Economic Order — NIEO) предстаёт как наиболее систематизированная и универсальная попытка развивающихся государств обозначить и закрепить на универсальном уровне правовой ответ на существующие неравенства постколониального мира. НМЭП был принят не в форме единого договора, а в виде пакета резолюций Генеральной Ассамблеи, принятых на VI специальной сессии в апреле–май 1974 г., специально проведенной для обсуждения проблем сырьевых ресурсов и развития, что являлось экономической повесткой и центральной политико-правовой проблемой современности того периода (и современного периода в той же степени).

К концу 1960-х - началу 1970-х годов сложился подход, который будет иметь центральное значение для всей темы неоколониализма вплоть до современности: самоопределение понимается как право на самостоятельный путь развития, а экономические ограничения, лишающие государства реальной свободы выбора через неравноправные торговые условия, структурную долговую зависимость, технологические барьеры и прочие механизмы, могут интерпретироваться как подрыв осуществления суверенных прав, даже если формальный статус независимого государства остаётся нетронутым.

Материалы и методы.

В разработке настоящей статьи использовался обширный материал

нормативно-правового характера, в первую очередь резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, такие как, например A/RES/3201(S-VI) от 1 мая 1974 г. о Декларации о создании НМЭП, A/RES/3202(S-VI), A/RES/3281(XXIX)), документы ЮНКТАД (World Investment Report 2024, отчеты о наименее развитых странах 2023), а также доктринальные источники в виде статей и монографий ученых-международников, которые рассматривают вопросы НМЭП, деколонизации и неоколониализма, например Prebisch 1950, Singer 1950, Baxi 2006, Дунаев 2015, Virdzhiniya 2025. Это обеспечивает достоверность выводов за счет охвата исторического периода 1960–2025 гг. и разнообразия нормативной базы.

В качестве основного был поставлен вопрос о том как формировался НМЭП в качестве основы реформирования глобальных экономических режимов и какое место он занимает в системе глобального управления? Дополнительные вопросы касаются ключевых проблем НМЭП, препятствовавших достижению равенства государств, и механизмов навязывания воли развитыми странами развивающимся (экономическая зависимость, неоколониализм).

Гипотезой статьи можно обозначить, что цели НМЭП не были полностью реализованы из-за системных проблем глобальной экономической системы, что привело к сохранению неравенства и открыло путь современному неоколониализму.

Исследование проведено в три этапа. Первый этап — исторический анализ предпосылок НМЭП (1960–1973 гг., деколонизация, национализации в Латинской Америке, ОПЕК). Второй этап — систематизация ключевых документов НМЭП (1974–1980-е гг., резолюции ООН, ЮНКТАД). Третий этап — оценка места НМЭП в современном глобальном управлении (проблемы реализации, релевантность в 2020-х гг.).

В качестве методов исследования были применены общенаучные методы: историко-правовой (анализ эволюции НМЭП), сравнительно-правовой (НМЭП и международные организации) и системный анализ (место в глобальном управлении). Использованы дедуктивный и индуктивный подходы для выявления проблем, а также проведен анализ мягкого и твердого права для оценки эффективности НМЭП.

Результаты и обсуждение.

НМЭП редко действует как самостоятельный механизм. Его влияние проявляется через то, как он смещает акценты и понятия в уже сложившихся и формирующихся режимах международного экономического права. В то же время НМЭП указывает на несколько ключевых «узлов», в которых механизмы зависимости действуют наиболее явно и где критика деколонизации приобретает конкретно-юридическое выражение.

В колониальной экономике контроль над природными ресурсами и инфраструктурой обеспечивался через неравноправные договоры, концессионные режимы и внешнее структурирование выгод и рисков. Даже

после деколонизации эти структуры часто воспроизводились: долгосрочные контракты о разработке ресурсов, финансовые ковенанты, ограничения на переработку и реэкспорт товаров, а также контроль над ценообразованием закрепляли экономическую зависимость на новом уровне.

НМЭП стремился изменить эту логику. Если Резолюция № 1803 от 1962 года (XVII) о постоянном суверенитете допускала национализацию при выплате соответствующей компенсации (оставляя спор о стандарте компенсации и размере), то Хартия экономических прав и обязанностей государств 1974 года в пп. с п 2 ст. 2 жёстко устанавливала суверенную власть государства: «...государство, принимающее такие меры, должно выплачивать соответствующую компенсацию с учетом его соответствующих законов и постановлений и всех обстоятельств, которые это государство считает уместными. В любом случае, когда вопрос о компенсации вызывает спор, он должен урегулироваться согласно внутреннему праву национализирующего государства и его судами».

Исторически это противоборство подходов и мнений было наиболее острым в конце 1960-х - начале 1970-х годов, когда несколько развивающихся государств провели национализацию ключевых секторов своих экономик. Приведем три примера:

1. Чили (1971–1973): национализация медной промышленности без компенсации, объявленная на том основании, что иностранные компании уже извлекли избыточные прибыли в предыдущие десятилетия. Это вызвало острый конфликт с США и частной компанией *Anaconda Corporation*.

В июле 1971 г. правительство Чили провело национализацию медной промышленности в рамках конституционной реформы («большая медь»). Крупные медные рудники на тот момент контролировались в основном двумя американскими компаниями *Anaconda* и *Kennecott*. Важным является тот факт, что сама реформа предполагала выплату компенсации инвесторам, но основой этой компенсации выступала только балансовая стоимость активов, а любые чрезмерные прибыли не учитывались в общей сумме компенсации.

Эта ситуация привела к серьезной экономической конфронтации между Чили и США, которую удалось сгладить в 1973 году, когда новое правительство Чили согласилось выплатить часть прибыли американским компаниям.

2. Перу (1968–1975): национализация нефтяной и рыбной промышленности, требования пересмотра контрактов в целях передачи большей доли ренты государству от частных компаний (Bamat, 1983).

В данном кейсе речь идет о реформах, проводимых в Перу в отношении нефтяной и рыбной промышленности как наиболее значимых для национальной экономики того периода. Военное правительство страны захватило крупнейшее месторождение нефти и денонсировало ряд национальных актов (включая *Acta de Talara*), установив в конечно итоге режим 50/50 добычи нефти, то есть, половину всей добытой нефти частные компании должны были передавать государству.

В контексте рыбной ловли были введены квоты и национализировано большое количество частного рыбного флота, а также вводилось такое же правило 50/50 в отношении прибыли, что в итоге позволило получать большие прибыли от промысла, но в последствии привело к кризису.

3. **Ливия** (1969 - 1974): радикальная переоценка условий нефтяных контрактов, вызвавшая конфликты с международными нефтяными компаниями и создавшая прецедент для ОПЕК (Haight, 1972).

Здесь речь идет о пересмотре условий концессии по нефтяным договорам с иностранными компаниями при режиме Каддафи. Пересмотренные в одностороннем порядке условия предусматривали, в частности, увеличение налогов и участие государств в деятельности компаний на уровне не менее 51%.

Стоит отметить, что данные действия Ливии стали успешными, хотя и привели к ряду арбитражных разбирательств и противодействий со стороны европейских государств (в частности Великобритании и компаний BP). Именно эти события сильно крепили позицию ОПЕК на мировой арене и позволили другим государствам (Алжир, Иран, Саудовская Аравия) предпринять похожие действия и отстоять свои интересы в переговорах с иностранными нефтяными компаниями.

В правовой плоскости эти события можно рассматривать как попытку определения пределов национального суверенитета и спор о том, может ли государство изменять условия долгосрочных инвестиционных договоров. НМЭП предоставил нормативные рычаги управления: если государство действует в целях развития и справедливого распределения национального богатства, то такие меры признаются выражением суверенитета, совместимым с международным правом и не должны восприниматься как ущемление прав и интересов иностранных компаний и их государств (Болдырев, 2014, 151с.).

Однако, значительная часть развитых государств и иностранных инвесторов рассматривали эти события как подрыв инвестиционной безопасности. В результате в последующие десятилетия развивался параллельный режим двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), который пытался закрепить стандарты, более выгодные для инвесторов, включая принципы справедливого и равного обращения (*fair and equitable treatment*), запрет косвенной экспроприации без полной компенсации и международный арбитраж для разрешения споров.

В итоге мы можем наблюдать противоборство между режимом ДИД и, например, доктриной Кальво, которая зародилась в 1920-е годы в Латинской Америке и устанавливала примат национальной юрисдикции в отношении, в том числе, иностранных инвесторов и их инвестиций. К середине прошлого века относительно устоялась идея о том, что частный инвестор всегда находится в более ущемленном положении по сравнению с государством-реципиентом, ведь несмотря на внешне частноправовой характер такого спора, государство выступает в нем в качестве суверенного субъекта международного права со всеми вытекающими последствиями (иммунитеты и прочее).

С точки зрения неоколониализма спор о компенсации остаётся актуальным: он касается того, кто контролирует распределение прибылей от реализации ресурсов, и кто определяет баланс между защитой собственности и правом на развитие.

Однако, история циклична и сегодня мы можем наблюдать сильнейшую критику системы разрешения инвестиционных споров между государствами и частными инвесторами (построенной на ДИД). Прошедшие десятилетия во многом показали множество проблем, свойственных данной системе, мы же в контексте темы обратим внимание на основную: государство, несмотря на свой суверенный статус оказались в более ущемленном положении по сравнению с частными инвесторами (особенно, когда речь заходит о крупных транснациональных компаниях, за спинами которых стоят развитые государства).

В торговой сфере НМЭП исходит из неблагоприятных условий торговли для развивающихся государств с развитыми государствами. Экспорт первичных товаров при волатильных ценах и низкой добавленной стоимости сочетается с импортом промышленных товаров и технологий по относительно жёстким ценам, создавая ситуацию, которая экономисты (Prebisch, 1950) описали как «ухудшение условий торговли».

В этом контексте универсальные торговые правила, построенные на принципе режима наибольшего благоприятствования (РНБ) и национального режима (НР), могут закреплять материальное неравенство, если не учитывают изначальные различия в уровне развития и структуре экономики государств.

В период проведения деколонизации основным универсальным источником, который регулировал международную торговлю являлось Генеральное соглашение о тарифах и торговле 1947г. (ГАТТ). Как и многие механизмы регулирования мировой экономики ГАТТ претерпел фундаментальные изменения в отношении своих целей и задач. Изначально Соглашение создавалось с целью «...повышения жизненного уровня, обеспечения полной занятости и значительного и непрерывного увеличения реального дохода и эффективного спроса, обеспечения полного использования мировых ресурсов и расширения производства и обмена товаров» на фоне разрушенной экономики европейских государств после Второй Мировой Войны. Поскольку мы говорим о временном периоде конца 40-х годов прошлого столетия, то важную часть ГАТТ занимают вопросы, связанные с особым статус зависимых территорий. В последующем же деколонизация и НМЭП внесли изменения в цели Соглашения, переведя акцент на особый статус развивающихся государств и необходимости предоставления им преференциального режима в торговле развитыми государствами. Хотя НМЭП не переписывал ГАТТ с нуля, в многостороннем торговом режиме постепенно сформировались элементы дифференциации:

1. Часть IV ГАТТ (введена Протоколом от 8 февраля 1965 г., вступила в силу 27 июня 1966 г.) формально признала, что развивающиеся государства

имеют особые торговые нужды и, что развитые страны не ожидают полной взаимности при установлении торговых отношений.

2. «Разрешающая оговорка» (решение Договаривающихся сторон ГАТТ от 28 ноября 1979 г.) закрепил право на предоставление развивающимся государствам преференциального режима (в рамках Генерализованной системы преференций) как исключение.

3. Преференциальный режим в ВТО и последующих соглашениях.

После создания Всемирной торговой организации 1994г. в ее так называемом «Пакете ВТО» (торговые договоры, входящие в систему права ВТО) красной нитью проходят положения о преференциальном положении развивающихся государствам, во многом благодаря чему и удалось привлечь такое большое количество подобных государств к участию в этой организации.

Все эти описанные механизмы и соглашения не следует рассматривать как прямой результат НМЭП, поскольку они имеют собственный путь развития в истории и проходили свои собственные переговорные процессы. Однако в концептуальном плане они отражают сдвиг, характерный для эпохи НМЭП в виде перехода от формального равенства единых правил к попытке достичь «реального равенства» через дифференциацию и преференции.

Для деколониализационной логики важно, что торговля перестаёт быть исключительно зоной взаимного обмена и становится пространством, где рассматривается справедливое распределение выгод и равные возможности для развития всех государств вне зависимости от их экономического благосостояния и возможностей. Вопрос сводится не только к тому, нарушены ли тарифные обязательства, а к тому, допускает ли установленный торговый режим достаточное количество инструментов для развития развивающихся государств.

Ещё одна центральная линия НМЭП — стабилизация экспортных доходов и улучшение условий торговли сырьём. На IV сессии ЮНКТАД (Найроби, май 1976 г.) была одобрена концепция Комплексная программа по сырьевым товарам, которая направлена на повышение стабильности сырьевых рынков и улучшение перспектив экспортеров развивающихся государств.

Программа предполагала сочетание переговорных рамок, товарных соглашений и институциональных механизмов. Одним из наиболее известных элементов выступила идея Общего фонда для сырьевых товаров. Соответствующее Соглашение было принято 27 июня 1980 г. и вступило в силу 19 июня 1989 г. Фонд был рассчитан на финансирование буферных запасов для сырьевых товаров с целью стабилизации цен; поддержку развития исследований и развития альтернативных использований сырьевых товаров; компенсацию убытков от колебаний мировых цен. Одним из ключевых принципов данного Фонда стала совместная ответственность производителей и потребителей. На сегодняшний день Фонд продолжает свою деятельность, однако его мандат проходит этап реформирования с целью концентрации на вопросах «зеленой» экономики (Addo, 1992, 185р.).

С правовой точки зрения Программа и Фонд важны в контексте деколонизации. Они пытаются решать проблему зависимости развивающихся государств не на уровне отдельного контракта или тарифной уступки, а на уровне структуры рынка и его институтов. Это соответствует систематизирующему принципу НМЭП: если неравенство в мировой экономике носит системный характер, то требуются институциональные изменения, а не точечные преференции.

Хотя Программа и Фонд не реализовали всех надежд эпохи НМЭП, они закрепили важный прецедент в виде обсуждения проблем развивающихся государств на сырьевых рынках как предмете международного регулирования, где целью является не только свобода торговли, но и стабильность доходов, развитие и уменьшение уязвимости развивающихся стран.

НМЭП последовательно поднимает тему технологического разрыва как механизма воспроизведения неравенства. В отличие от уже рассмотренной классической зависимости развивающихся государств через ресурсы и капиталы, технологический разрыв работает через контроль над знанием, стандартами, оборудованием и условиями доступа к научно-техническим достижениям. Юридически это часто оформляется не как прямой запрет, а как комбинация режимов интеллектуальной собственности, лицензионных условий, экспортного контроля и требований к закупкам, которые задают неравномерный доступ к технологиям различными государствами. В качестве примеров стоит отметить такие международные нормативные акты как Вассенаарское соглашение 1996г. об ограничении передачи технологий двойного назначения, а также ТРИПС ВТО и национальные нормативные акты, которые устанавливают требования к лицензированию биотехнологий (Botschaft, 2009, 396р.).

Не стоит также забывать о передовых технологиях, которые как правило разрабатываются развитыми государствами и очень часто используются для давления на развивающиеся государства. Поскольку технологии принадлежат развитым государствам, то развивающиеся государства попадают в жесткую зависимость от импорта, лицензий и инвестиций.

Следует отметить, что в контексте технологического равенства НМЭП проявлялся преимущественно как формирование ожиданий справедливости, а не как создание универсального договорного режима. В качестве примера можно привести положения Программы действий 3202 (S-VI), которая включает специальные разделы о передаче технологий, где технологическое развитие трактуется как необходимое условие экономического самоопределения. В рамках ЮНКТАД в 1970-х – 1980-х годах велись переговоры о проекте Международного кодекса поведения по передаче технологий (*Draft International Code of Conduct on the Transfer of Technology*), однако универсального договора принято не было. Развитые и развивающиеся государства, к сожалению, не смогли договориться, в частности, о вопросах публикации результатов научных исследований и условиях лицензирования результатов научной деятельности.

Наконец, одним из самых острых проблем стала сфера международного кредитования и в целом долговых отношений и международного финансирования между государствами. Можно сказать, что именно подобные отношения стали ключевыми в вопросах неоколониализма и критике НМЭП. Акты, принимаемые в рамках НМЭП, не вносили изменений в уставы основных международных финансовых организаций – Международных валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), однако они дали начал обсуждениям архитектуры международных финансов с критической точки зрения.

Суть проблемы состояла и продолжает состоять в неравнозначном доступе к механизму кредитования и финансирования, неравном участии в принятии решений и в практике финансирования развивающихся государств под обязательством реформирования национальной экономики. На практике мы можем видеть, что это фактически ограничивает бюджетную, социальную, промышленную и валютную политику государства, которое хочет получить кредит или финансирование какого-то проекта. При отсутствии универсального договора и разработанного механизма учета мнений и интересов развивающихся государств, подобная «условность» может функционировать как якобы мягкое требование, влияющее на внутренний правопорядок и распределение социальных рисков между государствами.

С юридической точки зрения здесь обнаруживаются несколько конфликтных аспектов:

1. Границы экономического принуждения: когда условия кредита превращаются в инструмент подчинения.

Условия кредитования МВФ и МБРР очень часто переходят в ряд способов принуждения государства к изменению (зачастую существенному) своей национальной политики и правовой среды. Причем у государств как правило не оказывается выбора, ведь за кредитами они обращаются в период внутренних кризисов. Многие критикуют данную систему говоря о том, что финансовая помощь превращается в политическое принуждение, неподчинение которому может привести к дефолту и полной потере суверенной автономности (Дунаев. 2015, 121с.).

2. Легитимность международного экономического управления: насколько репрезентативна и справедлива институциональная структура международных финансовых механизмов.

Здесь на первый план выходят проблемы системы голосования в МВФ и МБРР, представительство развивающихся государств в этих и других организациях. Существующая система количества голосов от квоты государства в уставе организации по своей сути наделила ряд государств (США и европейские страны) коллективным правом вето. И хотя реформы об увеличении квот таких государств Китай и Индия ведутся, процесс этот очень медленный и пока что не привел к каким-то серьезным изменениям системы.

3. Правовой статус реформ как требований кредитования и финансирования: если они не оформлены в виде договора, то ставится под вопрос их обязательность и как соотносится это с принципом суверенного равенства.

Когда государство хочет взять кредит в международной финансовой организации, последняя устанавливает требования о проведении политических, экономических и/или социальных реформ этим государством, о чем мы уже упоминали ранее. Однако, подобные требования заключаются не в качестве международного договора, а прописываются в сообщениях о намерениях или в программах (МВФ и МБРР), которые по факту не являются договорами и носят рекомендательный характер. Тем не менее система контроля через надзор со стороны организаций по факту делает эти требования обязательными с самыми серьезными последствиями для государства в случае их невыполнения.

В контексте деколонизации и неоколониализма НМЭП проблемы международных финансово-валютных механизмов показывают как зависимость может проявляться через юридически необязательные рычаги влияния, например через финансовые, которые по факту ограничивают возможность государств осуществлять свою независимую политику. НМЭП предоставил платформу для юридической критики этих механизмов, связывая финансовую архитектуру с принципами суверенного равенства, сотрудничества и недопустимости принуждения (Дунаев, 2015, 138-145с.).

Несмотря на широкую поддержку большинством государств, НМЭП столкнулся с широкой критикой. Эта критика часто обоснована и указывает на реальные пределы и риски в эпоху неоколониализма.

Несмотря на широкую поддержку государствами, те требования, которые НМЭП устанавливал редко трансформировались в обязывающие нормы и механизмы исполнения.

Среди основных точек критики остановимся на некоторых:

1. НМЭП как процесс принятия международных нормативных актов остаётся механизмом мягкого права, рекомендациями, которые не имеют механизма принудительного исполнения, в то время как действующие режимы в сферах торговли, инвестиций, валютно-финансовых отношений часто имеют вполне жёсткие нормы и механизмы разрешения споров, решения которых обязательны для участников (Abbott, 2000, 442р.).

2. НМЭП пытался создать универсальные рамки экономических отношений, но в действительности требования его распылились по различным актам, механизмам и установленным режимам с разными участниками и степенью обязательности, чего недостаточно для системной трансформации (Gilman, 2015, 13 р.).

3. Несмотря на то, что большинство голосов в ГА ООН принадлежит именно развивающимся государствам, ключевые рычаги мирового экономического управления остались в руках развитых стран и международных

финансовых организаций, где развивающиеся государства не могут на равных отстаивать свои интересы.

Фундаментальная проблема заключается в том, что сама система НМЭП и деколонизации может служить инструментом новых форм зависимости. Положения НМЭП о суверенитете, развитии и справедливости может использоваться против его же основных идей в виде щита, оправдывающего непрозрачные сделки, ослабление социальных стандартов, уклонение от международных норм добросовестного управления и т.п. При отсутствии внутренних механизмов подотчётности и демократического контроля риторика суверенитета может превращаться в риторику элит (Baxi, 2006, 128р.).

Более того, в современную эпоху цифровизации экономики, технологических платформ и контроля над данными новые формы зависимости возникают не через нарушение суверенитета, а через его омертвление: государство остаётся формально суверенным, но его экономическая политика регулируется не национальным правом, а корпоративными стандартами, платформенной логикой и требованиями внешних аккредиторов, которые привязаны к долгу и контрактам (Mendoza, 2022, 453 р.).

Для того, чтобы борьба с неоколониализмом не превратилась в процесс закрытия пространства для внутренний критики и контроля необходимо дополнять механизмы НМЭП транспарентностью, обеспечивать максимально широкое участие во всех процессах развивающихся государств и устанавливать способы внутреннего и внешнего контроля и надзора (Ferguson 1990).

Заключение

На сегодняшний день НМЭП следует оценивать не только как исторический эпизод деколонизации 1970-х годов, но и как метод и инструмент, открывший двери для современной политики неоколониализма, и как платформу юридической критики структурного неравенства в мировой экономике.

С одной стороны, НМЭП был проектом своего времени. Он вырос из специфической мировой ситуации в начале 1970-х, когда ОПЕК добился успеха в повышении цен на нефть, когда Движение неприсоединения обрело голос, и когда деколонизация ещё была живой повесткой. В этом смысле его пределы реализации (со всеми ограничениями, о которых мы говорили ранее) объясняются не отсутствием прорывных идей и решений, но, к сожалению, институциональной диспропорцией и балансом сил, что со временем позволило использовать его же для осуществления современного неоколониализма.

С другой стороны, НМЭП остаётся актуальным как призыв к справедливости. Он задаёт вопрос: какие экономические отношения являются справедливыми и совместимыми с принципами суверенного равенства, невмешательства и сотрудничества? Как международное право может гарантировать, что формальная независимость не превращается в экономическую подчиненность? Какие механизмы могут ограничивать власть капитала и финансов?

Эти вопросы не потеряли актуальность. Новые формы зависимости

возникают через глобальные цепочки стоимости, цифровизацию экономики, режимы международного кредитования и финансирования, контроль над данными и технологиями, платформенный капитализм. Климатический кризис обнаруживает взаимосвязь между исторической экологической несправедливостью и современной уязвимостью развивающихся государств. Глобальная налоговая база постоянно размывается через практики, которые недосягаемы для национального права развивающихся государств.

Таким образом, НМЭП оказывается актуальным как источник, позволяющий переоформить содержание классических принципов международного права (сouverенитета, невмешательства, сотрудничества) в направлении более благоприятном для развития и справедливости. Он закрепляет стандарты, по которым можно оценивать легитимность экономических институтов и режимов, а также предлагает методологию, как переводить требования справедливости в конкретные реформы существующих институтов и механизмов глобального управления.

Однако наследие НМЭП требует и критического переосмыслиния. Его призывы к справедливости, поддержке суверенитета и развития может использоваться как щит для неответственного глобального управления, как оправдание интересов развитых государств, как помеха для внутренней демократии и прав человека. Поэтому борьба с внешней зависимостью должна сопровождаться стремлением к внутренней подотчётности и прозрачности.

В этом смысле актуальность НМЭП для современного анализа неоколониализма состоит не в возврате к резолюциям 1974 года, а в восстановлении той прогрессивной программы, которая позволяет видеть экономические отношения как правовую проблему, структурное неравенство как проблему справедливости, а глобальное управление как поле, которое требует постоянной критики и переопределения в направлении большей справедливости и подлинного равенства возможностей развития.

Список литературы

1. Abbott, Kenneth W., & Snidal, Duncan. "Hard and Soft Law in International Governance." «International Organization», vol. 54, no. 3, 2000, pp. 421–456.
2. Addo MK. Taming Commodity Markets: The Integrated Programme and the Common Fund in UNCTAD. By Gamani Corea. [Manchester: Manchester University Press. 1992. Xiv. 271 pp.
3. Alessandrini Donatella. A Not So ‘New Dawn’ for International Economic Law and Development: Towards a Social Reproduction Approach to GVCs. European Journal of International Law. 2022. 33 p.
4. Bamat, T. Peru’s Velasco Regime and Class Domination after 1968. Latin American Perspectives, 1983, № 10(2/3), 128–150.
5. Baxi U. The future of human rights. - Oxford: Oxford Univ.. Press, 2006. - XX, 339 p

6. Botschaft, Rama Jawad. "The Right to Development in International Law: From Rhetoric to Operational Reality?" «Journal of Human Rights», vol. 8, no. 4, 2009, pp. 389–404.
7. Gilman N. The New International Economic Order: A Reintroduction. // Humanity Spring 2015, pp. 16 p.
8. Haight G. Winthrop, Libyan Nationalization of British Petroleum Company Assets, 6 INT'L L. № 541 (1972). Pp. 541-547.
9. Mendoza C. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power: by Shoshana Zuboff, New York, Public Affairs, 2019, 704 pp., ISBN 978-1610395694. *Church, Communication and Culture*, 2022, № 7(2), 452–455.
10. Prebisch, Raúl, 1950. "The economic development of Latin America and its principal problems.". UN Documents. Economic Commission for Latin America. Documents. E/CN. 12/89/Rev. 1.
11. Rajamani, Lavanya. "The Increasing Jurisdiction of the UNFCCC: Reviewing the Limits and Justifying an Expanded Scope." «Yale Journal on Regulation», vol. 29, 2012, pp. 295–325.
12. Singer, Hans W. "The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries." «American Economic Review», vol. 40, no. 2, 1950, pp. 473–485.
13. Болдырев Олег Юрьевич (2014). Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты. Сравнительное конституционное обозрение, 2014, № 3 (100), с. 144-155.
14. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947г. Сайт ВТО. [https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm] Accessed: 16 January 2026.
15. Дунаев Александр Львович. Финансовая помощь как инструмент политического принуждения: уроки европейского долгового кризиса. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, 2015, № 7 (1), с. 120-151.

References

1. Abbott, Kenneth W., & Snidal, Duncan. \"Hard and Soft Law in International Governance.\" «International Organization», vol. 54, no. 3, 2000, pp. 421–456.
2. Addo MK. Taming Commodity Markets: The Integrated Programme and the Common Fund in UNCTAD. By Gamani Corea. [Manchester: Manchester University Press. 1992. Xiv. 271 pp.
3. Alessandrini Donatella. A Not So 'New Dawn' for International Economic Law and Development: Towards a Social Reproduction Approach to GVCs. European Journal of International Law. 2022. 33 p.
4. Bamat, T. Peru's Velasco Regime and Class Domination after 1968. Latin American Perspectives, 1983, № 10(2/3), 128–150.

5. Baxi U. The future of human rights. - Oxford: Oxford Univ.. Press, 2006. - HH, 339 p
6. Botschaft, Rama Jawad. \"The Right to Development in International Law: From Rhetoric to Operational Reality?\" «Journal of Human Rights», vol. 8, no. 4, 2009, pp. 389–404.
7. Gilman N. The New International Economic Order: A Reintroduction. // Humanity Spring 2015, pp. 16 p.
8. Haight G. Winthrop, Libyan Nationalization of British Petroleum Company Assets, 6 INT'L L. № 541 (1972). Pp. 541-547.
9. Mendoza C. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power: by Shoshana Zuboff, New York, Public Affairs, 2019, 704 pp., ISBN 978-1610395694. Church, Communication and Culture, 2022, № 7(2), 452–455.
10. Prebisch, Raúl, 1950. \"The economic development of Latin America and its principal problems,\". UN Documents. Economic Commission for Latin America. Documents. E/CN. 12/89/Rev. 1.
11. Rajamani, Lavanya. \"The Increasing Jurisdiction of the UNFCCC: Reviewing the Limits and Justifying an Expanded Scope.\" «Yale Journal on Regulation», vol. 29, 2012, pp. 295–325.
12. Singer, Hans W. \"The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries.\" «American Economic Review», vol. 40, no. 2, 1950, pp. 473–485.
13. Boldyrev Oleg Yur'evich (2014). Ekonomicheskij suverenitet gosudarstva: elementy i mekhanizmy zashchity. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie, 2014, № 3 (100), s. 144-155.
14. General'noe soglashenie po tarifam i torgovle 1947g. Sajt VTO. [https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm] Accessed: 16 January 2026.
15. Dunaev Aleksandr L'vovich. Finansovaya pomoshch' kak instrument politicheskogo prinuzhdeniya: uroki evropejskogo dolgovogo krizisa. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2015, № 7 (1), s. 120-151.